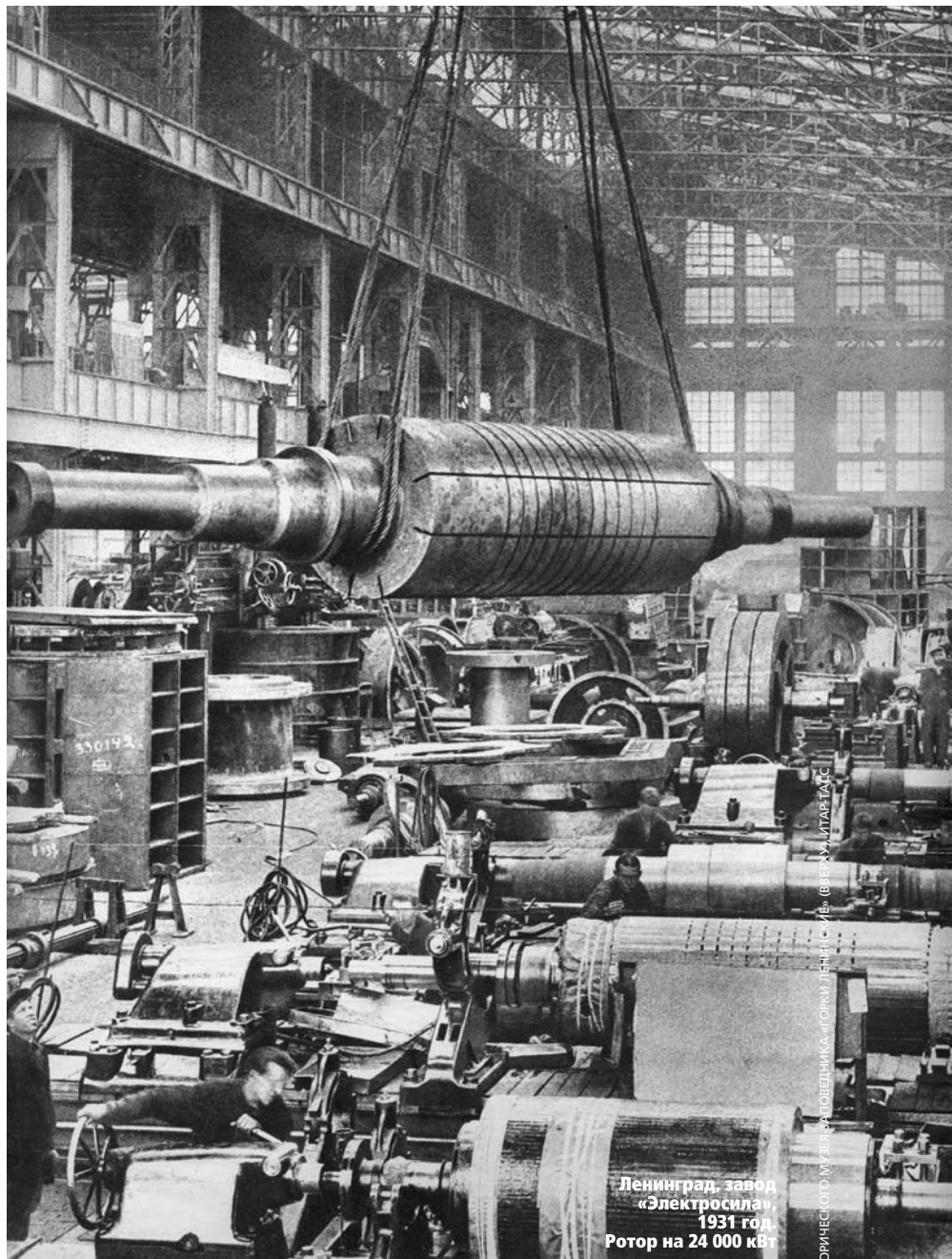

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА рушится, и в моду снова входят левые доктрины и лозунги — национализация, госрегулирование, автаркия. В России и до глобального кризиса все громче звучали голоса, называвшие социалистическую индустриализацию «успешным бизнес-проектом», а Сталина «эффективным менеджером». Как и в разгар перестройки, о сталинском периоде спорят не только профессиональные историки, но и политики, журналисты, учителя школ. Главное отличие в том, что сегодня мы знаем свою историю значительно лучше, чем 20 лет назад. В 1990-е годы в России произошла архивная революция, гриф секретности был снят с огромного массива документов. Какую оценку сталинскому проекту построения социализма экономическая наука может дать сегодня?

**Мифы и правда
о построении
социализма
в отдельно
взятой стране.**

Андрей Маркевич

Ленинград, завод «Электросила», 1931 год. Ротор на 24 000 кВт

АНАТОМИЯ «СОВЕТСКОГО ЧУДА»

ФОТО Н. ШТЕРНЕРА, ИЗ АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОРЬКОВОГО ЦЕНТРА ИГР «ИВЕНКО» (ТАТАРТАСС)

Миф о большом скачке

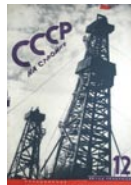
Вплоть до распада СССР было принято считать, что только благодаря форсированной индустриализации Советский Союз в 1930–1950-е стал одним из мировых лидеров экономического роста. Выдерживает ли критику это утверждение?

Как ни парадоксально, новых оценок темпов роста советской экономики за последние 20 лет не появилось. Наиболее правдоподобными остаются расчеты американских советологов (Абрахама Бергсона и его учеников), выполненные на основе открытых данных в середине прошлого века. Американцы считали официальные цифры национального дохода сильно завышенными, но не из-за фальсификаций, а в силу особенностей учета и агрегирования данных в СССР. Архивы подтверждают это предположение. У советского правительства не было двух бухгалтерий, одной для пропаганды, другой для управления. Если руководство хотело скрыть какие-то результаты, оно их просто засекречивало.

На первый взгляд даже западные оценки советских достижений представляются выдающимися. Валовой национальный продукт на душу населения рос в СССР примерно на 3% в год. В лучшие десятилетия темпы роста приближались к 4%. Однако результаты окажутся более скромными, если учесть безумную расточительность советской модели, которая требовала гораздо больших — по сравнению со странами того же уровня развития — затрат для достижения одних и тех же целей. Советский Союз был мировым рекордсменом по темпам роста капиталовложений, но не по отдаче от них. Расплата за расточительность не заставила себя долго ждать. Из-за чрезмерности трудовых затрат в промышленности уже в середине 1950-х нехватка рабочих рук стала ощущаться в деревне. После достижения к концу 1960-х годов всеобщей женской занятости проблема дефицита труда остро встала уже для всех секторов экономики.

С учетом затрат физического и человеческого капитала качество советского экономического роста

в 1960–1989 годы было крайне низким, об этом свидетельствуют расчеты американских экономистов Уильяма Истерли и Стена Фишера. При прочих равных советские темпы накопления капитала должны были вести к превышению среднемировых темпов роста ВВП

«САМ НЕ ЗНАЕШЬ, ОТКУДА ВЫЛЕЗЕТ ЧТО-ТО ТАКОЕ, ЧТО НАРУШИТ ВЗЯТЫЕ ТЕМПЫ»

на душу населения на 2,7 процентных пункта. В действительности же советская экономика опережала мировую всего на 0,4%. Если бы в 1960–1989 годы она была не командной, а рыночной, к 1989 году советский ВВП был бы вдвое выше достигнутого.

Миф о плановом хозяйстве

В разгар Великой депрессии превосходство советской экономической модели казалось очевидным. Еще бы! На Западе — глубочайший спад и метания политиков и правительств, в СССР — быстрый подъем, в основе которого научно выверенные планы, которые позволяют достигать максимально возможных темпов экономического развития без последующих спадов, характерных для делового цикла капиталистических стран.

Но была ли советская экономика плановой?

Благодаря открытию архивов нам теперь известны реальные механизмы работы командной системы, особенно в период ее становления в 1930-е годы. Один из самых ценных источников — протоколы заседаний Политбюро и переписка Сталина со своими заместителями. Вряд ли кого-то удивит, что Сталин и его ближайшее окружение лично определяли направление и параметры экономического развития. Сюрпризом, однако, стало то, насколько обобщенными были утверждаемые цифры. Американский историк Пол Грегори выяснил, что в 1930-е Политбюро систематически принимало решения только по трем

группам экономических вопросов: хлебозаготовкам, импорту и объему капиталовложений. Хлеб был важнейшим средством финансирования индустриализации. Валюта — наиболее редким ресурсом. Вся стратегия индустриализации определялась в одной цифре — рублевом

объеме капиталовложений на будущий год. Как видно из сталинской переписки, этот показатель определялся на глазок, а не в результате детальных расчетов. Например, при обсуждении плана инвестиций на 1936 год в течение нескольких дней цифры инвестиций «гуляли» в диапазоне 19–25 млрд рублей.

Слабость обоснований регулярно приводила к дорогостоящим ошибкам. Самая типичная — начало проектов, не обеспеченных ресурсами. Вторая пятилетка фактически ушла на то, чтобы, пусть с опозданием, закончить проекты, начатые первой. В предвоенное десятилетие Сталин был вынужден как минимум дважды принимать решение о снижении инвестиций. Такая манера руководства — «штурм и натиск» с последующей корректировкой планов — порождала цикличность развития советской экономики, феномен, который, казалось бы, должен по определению отсутствовать в плановой системе. Как следствие — омертвление вложений, снижение отдачи.

Не спал командную экономику от ошибок и ее «мозг» — Госплан, обязанный превращать директивы Политбюро и правительства в конкретные хозяйственные планы. На самом деле планирование было далеко не всеобъемлющим. Даже в 1951 году проект очередного пятилетнего плана включал в себя лишь 127 заданий в натуральных показателях, притом что советская экономика производила сотни тысяч наименований товаров. Чтобы избежать ответственности за конкретные результаты, работники Госплана

Реклама 1/3

определяли цели развития в максимально общем виде. Добавьте к этому, что в процесс разработки планов были активно вовлечены сами производители. Каждый народнохозяйственный план был результатом не столько «научных» расчетов, сколько торга между выше- и нижестоящими уровнями командной иерархии.

Производственники всегда стремились подстраховаться, получить для выполнения спущенных сверху заданий как можно больше ресурсов. Вот как объяснял эту тактику начальник Главморпрома (отвечало за военное судостроение) Ромуальд Муклевич: «Сам не знаешь, откуда вылезет что-то такое, что нарушит взятые темпы, сорвет тебе программу по отдельному заводу или отдельному объекту». Зная такую манеру нижестоящих, высшие чиновники не имели никаких оснований верить в обоснованность заявок предприятий. Поэтому планировали от достигнутого. «Смотрим, сколько вчера дали, в прошлом квартале, и определяем потребность этого квартала», — признавался один из руководителей Наркомата тяжелой промышленности Исар Айнгорн. Такой «научный» подход на многие годы вперед зафиксировал отраслевую структуру советской экономики конца 1920-х годов. Новым отраслям, если они не были связаны с военно-промышленным комплексом, было просто неоткуда появиться в советской системе, что обрекало ее на хроническое отставание от Запада.

ческого и экономического механизма винтики имели и стимулы, и возможность «играть» с системой. Это был тот еще порядок.

Хозяиственники и партийные руководители на местах постоянно апеллировали к центру, ища помощи и поддержки в реализации полученных заданий или стремясь переложить ответственность за провалы. Чем выше стояли чиновники в советской иерархии, тем больше они были перегружены работой. В 1930-е годы Политбюро рассматривало от трех до четырех тысяч вопросов в год; еще больше вопросов решал Совнарком, официальное правительство СССР. Большинство составляли частные вопросы повседневного управления, вроде распределения десяти новых автомобилей среди партийных работников какого-нибудь среднеазиатского обкома. Высшее руководство тонуло в потоках информации, а незначительность вопросов заслоняла общую картину. Больше всего был загружен сам Сталин, без которого его замы не могли «решиться на что-либо фундаментальное...» (Лазарь Каганович — Сталину, 21.07.1932). Несмотря на огромную работоспособность генсека, временами и он не выдерживал: «Уехал от бумаг, а вы забрасываете меня грудой бумаг. Решайте сами и решайте поскорее...» (из письма Кагановичу 13.09.1933).

Не имея физической возможности контролировать решение всех вопросов, советские руково-

«ЧТОБЫ ПРОТАЩИТЬ КАКОЙ-ЛИБО ВОПРОС... НАДО САМОМУ ВПАСТЬ В ИСТЕРИКУ НА 3–4 ЧАСА...»

Миф о сталинской вертикали

В народе говорят: «При Сталине был порядок». Аналогичного взгляда придерживаются и многие критики сталинизма. По их мнению, командная система превратила человека в винтик, малозначащую часть огромного механизма. На самом деле на всех этажах советского полити-

дители высоко ценили свое право в любой момент вмешиваться в повседневное управление работой подчиненных. Несмотря на обязанность каждого коммуниста любой ценой исполнять решения партии и правительства, выполнение приказов в советской системе было далеко не автоматическим. Нарком тяжелой промышленности Серго

Орджоникидзе жаловался: «Я вижу, наблюдаю, ругаюсь, дерусь как зверь, но чтобы протащить какой-либо вопрос, чтобы он был как следует проведен, для этого надо самому впасть в истерику на три-четыре часа и того загнать в истерику, кто это выполняет».

Дело в том, что начальники и подчиненные, как правило, преследовали разные цели. Подчиненные лучше знали ситуацию на местах и могли манипулировать информацией. Сталин при всей власти, которую он сконцентрировал в своих руках, опасался, что подчиненные сделают из него «факсимиле» для утверждения согласованных за его спиной решений. «Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня» (Сталин по воспоминаниям Константина

мажке и посмотришь, более безобразного уroda нигде не увидишь...» — жаловался Орджоникидзе. Не помогало наличие сразу нескольких параллельных систем контрольных органов: партийного контроля, советского контроля, НКВД, прокуратуры и т. д. Каждый раз нерешенным оставался вопрос: «Кто контролирует контролера?»

Самым радикальным способом вразумления аппарата были репрессии. Но угроза случайного наказания служила плохим стимулом для менеджеров, напротив, она была дестабилизирующим фактором. Как показал английский историк Роберт Дэвис, тщательно изучивший архивные документы второй половины 1930-х, Большой террор был не следствием, а причиной экономических трудностей, возникших в советском народном хозяйстве перед войной.

Нарком Орджоникидзе на строительстве первой очереди московского метрополитена

Симонова). Единство большевистского руководства, единство советского аппарата были мифом. Даже между членами Политбюро, каждый из которых возглавлял одну из отраслей советской экономики, периодически возникали острые конфликты и противоречия.

Руководство пыталось решить проблему путем постоянных реорганизаций. Однако получалось как в басне Крылова. «Структура нашего аппарата, сколько мы его ни реорганизовываем, сколько мы с ним ни возмемся, а все-таки, когда его возьмешь и нарисуешь на бу-

Миф об энтузиазме

«Весь советский народ, как один человек, поддерживает и воплощает в жизнь мудрые решения партии и правительства», — твердила советская пропаганда. Архивы свидетельствуют, что поддержка «мудрых решений» не была массовой даже в среде рабочего класса, от имени которого правили коммунисты.

Командная экономика просто не сумела создать эффективную систему стимулов к труду. Как показал исследователь трудовых отношений Андрей Соколов, несмотря на всю мощь пропагандистской машины,

Реклама 1/3

бесконечно возбуждать и эксплуатировать энтузиазм трудящихся было невозможно, требовались и иные стимулы. Власти перепробовали разные комбинации моральных, материальных стимулов к труду и мер наказания. В конце концов Сталин сделал выбор в пользу последних, криминализовав сферу труда. Незадолго до войны в СССР была введена уголовная ответственность за опоздания и прогулы, незаконную смену места работы.

Рабочие были совершенно беззащитны перед наступлением государства на их права. Профсоюзы стали одним из его подразделений. Коллективные договоры из средства защиты прав рабочих, одного из завоеваний Октября, превратились в способ заставить их трудиться интенсивнее. Именно в договорах фиксировались новые нормы и расценки, спускаемые из министерств для повышения производительности труда. Как показывает история металлургического завода «Серп и молот», такой пересмотр «заниженных» норм и расценок происходил постоянно. В 1947 году, например, нормы на заводе увеличивались на 23% при одновременном понижении сдельных расценок на 18,8%.

ГУЛАГ, один из символов сталинской экономики, служил средством запугивания рабочих, профилактики массовых протестов. Но и эта угроза со временем утрачивала действенность. Драконовским законам нередко сопротивлялись даже подчиненные диктатора. Сталин лично инициировал в 1947 году резкое повышение сроков заключения за «хищение социалистической собственности», включая мелкие хищения на производстве. За хищение мотка проволоки можно было получить от семи до десяти лет. Но советские судьи саботировали указ, назначая наказание «ниже нижнего предела», несмотря на давление из центра. В конце 1940-х годов суды фактически перестали давать сроки за прогул, хотя соответствующий указ продолжал действовать. Мнение о необходимости реформировать ГУЛАГ, как выяснил историк Олег Хлевнюк, разделяла в конце правления Сталина вся высшая со-

ветская элита, и неудивительно, что демонтаж системы принудительного труда начался сразу после смерти диктатора.

Миф об отсутствии коррупции

Социалистическая законность была лозунгом для нижестоящих. От капитанов индустрии требовали достижения целей любой ценой. Вот и питательная среда для коррупции — проявлений противозаконной хозяйственной самостоятельности и предприимчивости в системе, декларировавшей отказ от этих начал!

Пока незаконные действия менеджеров способствовали выполнению плана, центральные власти были готовы закрывать на них глаза. Центр мирился с существованием вторичного рынка ресурсов, на котором предприятия продавали и по-

отличать взятки, данные толкачом, чтобы его предприятие получило ресурсы, от «личных» взяток. Как признавался на пленуме КПК другой региональный уполномоченный этой комиссии, Френкель, не всякое присвоение ресурсов есть воровство, при этом он сослался на «товарищей в Москве, которые разделяют эту точку зрения».

В таких условиях расцвет коррупции на всех уровнях общественной и экономической жизни в СССР был неизбежен. После войны власти инициировали несколько кампаний по борьбе со взятками, но без изменения основ командной экономики решить проблему было невозможно. Системная коррупция в позднем СССР, символом которого стало «хлопковое», или «узбекское», дело, выросла не на пустом месте, а имела прочную основу в сталинском периоде.

БЫЛО НЕВОЗМОЖНО ОТЛИЧАТЬ ВЗЯТКИ, ДАННЫЕ В ИНТЕРЕСАХ ЗАВОДА, ОТ «ЛИЧНЫХ» ВЗЯТОК

купали друг у друга выторгованные с боем, но оказавшиеся «лишними» материалы. Эти «внутренние резервы», как их обычно называли, позволяли до некоторой степени сглаживать ошибки планирования. Уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) по Челябинской области Дадонов отмечал, что «неправильное поведение некоторых директоров вошло в систему и не пресекается на месте». Архивы КПК показывают, что даже этот орган, призванный бороться с незаконными действиями советских хозяйственников, часто применял мягкие наказания — выговор, «постановку на вид» — за подобные действия.

Главная проблема заключалась в том, что на практике крайне сложно было отличить незаконную сделку, направленную на личное обогащение, от столь же незаконной сделки, призванной помочь предприятию реализовать план, то есть произведенной в интересах государства. Так же трудно было

Так были ли Сталин эффективен, а советская индустриализация успешной? Даже забывая об аморальности вопроса (голод и террор при Сталине унесли несколько миллионов жизней), с точки зрения общества, трудно считать успешной модель развития, при которой граждане не могут воспользоваться высокими темпами роста. Преследовавшая Советский Союз на протяжении всей его истории проблема дефицита, низкая доля потребления в структуре ВВП были свидетельством не временных недостатков, а врожденных дефектов командной модели.

Наконец, при сопоставлении качества жизни в СССР и остальном мире не стоит забывать об отсутствии в стране победившего социализма политических свобод и угрозе репрессий. Высокие темпы роста цениться меньше, если велика вероятность оказаться репрессированным (реабилитация через пару десятилетий — слабое утешение).